

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

**В. К. ЛУКАШЕВИЧ,
М. В. ЗУБКО, И. Е. КИСЕЛЕВ**

ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ДИНАМИКИ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО УКЛАДА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрываются содержательные особенности праксеологической компоненты ментального пространства и характер ее динамики в условиях формирования постиндустриального уклада жизнедеятельности социума, где на первый план постепенно выходят нематериальные факторы: информация, знания, культура общения и тесно сопряженные с ними технико-технологические средства производства и социальной коммуникации.

Предложена трактовка ментального пространства как совокупности предметно-ориентированных мысленных образований, мыслительных процессов и их схем, образцов, парадигм, в которых специфическим образом сопряжены знания и вера, знания и ценностные ориентации, знания и клише повседневного практического опыта, эмоции, бессознательные структуры и неосознанные культурные коды, детерминирующие стереотипы поведения и деятельности людей, а также критерии приемлемости (эффективности) определенного образа действия. Раскрыты особенности анализируемых процессов в Республике Беларусь.

Ключевые слова: ментальное пространство; праксеологическая компонента ментального пространства; постиндустриальный уклад жизнедеятельности; доминирующие формы роста праксеологической компоненты.

УДК 130.2

Владимир Константинович ЛУКАШЕВИЧ (lukashevich46@bk.ru), доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь);

Мария Васильевна ЗУБКО (m_zubko@mail.ru), кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь);

Игорь Емельянович КИСЕЛЕВ (igor.kiselev48@gmail.com), кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Праксеологическое содержание ментальных явлений и процессов анализировались всегда, но далеко не всегда анализ мировоззренческих оснований, исследовательского инструментария и результатов достойно выдерживал простое сравнение с тем, что происходило в материальной и духовной реальности. Социум жил, руководствуясь оправдывающими себя представлениями о том, что вовлекалось в сферу его жизнедеятельности и совокупностью практически оправданных до определенного времени предписаний и норм. Осмысление их недостаточности для последующих этапов жизнедеятельности, как правило, носило драматический характер. Для носителей мифологического, религиозного и повседневно-обыденного менталитета нелегко было воспринимать критику извне и изнутри по поводу практической неэффективности ментальных представлений о реальности и тем более схем (предписаний и норм) деятельности. Реальность демонстрировала грубые и постоянно повторяющиеся ошибки в области гигиены, воспитания, регулирования производственных и социальных отношений, которые в новейшее время вследствие их масштабности, силы и трудностей в рациональном осмыслении получили квалификацию кризисов. Как это ни странно, однако наиболее фундаментальные предпосылки рационального осмысления причин, сущности, форм и последствий кризисов возникли все же не в среде профессиональных интеллектуалов, а в глубинах повседневно-обыденного сознания: «кризис — это прежде всего кризис в головах», «сколько ума, столько и работы». Выглядят довольно абстрактно, но методологически более обнадеживающе по сравнению с акцентами на инерцию природных, социально-политических и финансово-экономических факторов, кризисных явлений и процессов, поскольку объективно ориентируют на их акторно-сетевой анализ. В этом русле и анализ ментального пространства как такового, и праксеологический вектор его динамики являются сущностно востребованными, поскольку они формируют и качества социальных акторов, и характер социальных сетей, в которых реализуются эти качества. Несмотря на контекстуальную прозрачность заявленной темы, ее исследование связано с необходимостью экспликации понятий, употребляемых для ее выражения, так как в этом плане пока не достигнута желаемая согласованность.

Понятийный контекст: базовые позиции и незаполненные места. Понятие уклада жизнедеятельности или общественного уклада находит все более широкое применение в исследованиях организации и динамики человеческих сообществ. Наряду с понятиями «культура», «цивилизация», «общественно-экономическая формация» оно вошло в научный обиход как выразитель структурно-динамических характеристик конкретного социума. «В структурном плане, — отмечает А. А. Лазаревич, — он (общественный уклад — В. Лукашевич) по объему является одной из подсистем формации как целостности, а в динамическом измерении может быть трояким: а) унаследованным от предшествующих формаций, б) преобладающим, а в пределе — господствующим способом общественного производства, или в) зародышевым, но перспективным провозвестником становящейся или вовсе будущей формации» [1, с. 146—147]. Соответственно понятие общественного уклада или уклада жизнедеятельности входит в исследовательский инструментарий современной социальной науки, прежде всего как средство изучения социальной динамики.

Известно, что развитие общества (социальная динамика) предполагает наличие мотивирующей этот процесс ментальной основы. Ее структура и в целом содержательное богатство (новизна) образуют ментальное пространство — совокупность разнообразных мыслительных схем (образцов, парадигм), в которых тем или иным образом сопряжены знания и вера, знания и цен-

ностные ориентации, знания и клише повседневного практического опыта, эмоции, бессознательные структуры и неосознанные культурные коды, детерминирующие стереотипы поведения и деятельности людей, а также критерии приемлемости (эффективности) определенного образа действия. Ключевым элементом ментального пространства является менталитет, носителями которого выступают определенный социум, социальная группа, профессиональное сообщество и др. Ментальное пространство, в контексте которого происходит формирование менталитета социальных групп и индивидов, в конечном счете определяет направленность и успешность конкретных вариантов социальной динамики.

Говоря о менталитете как духовном явлении, необходимо отметить, что сопряженная с ним категория пока не получила определенного научного статуса в силу недостаточной разработанности и нечеткой определенности признаков, составляющих содержание этого явления. В значительной степени это затрудняет ее операционализацию и выявление ее праксеологической компоненты, особенно в прикладных исследованиях. Пока данная категория в большей мере носит описательный характер и используется журналистами, этнографами, этнологами, культурологами, психологами. В то же время она многое может объяснить в плане истоков, сущности и даже перспектив экономического поведения, сознания, мышления отдельных индивидов, больших групп и общества в целом.

Существуют разные определения этой категории. Например, словарь современной западной философии определяет менталитет как глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; как совокупность установок и предрасположений индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом [2, с. 176].

Наблюдаются попытки рассмотреть менталитет во взаимосвязи с такими еще малоразработанными социальными характеристиками, как социокультурный код (В. С. Степин), историческая память. Менталитет анализируют в сопоставлении с национальными особенностями сознания, ментальными характеристиками других народов, по принципу «мы» и «они» (Б. Ф. Поршнев). Такой подход тоже по-своему интересен, так как позволяет «для расшифровки» социокультурного кода соотечественников понять, с кем «они» себя в наибольшей степени самоидентифицируют, а кому и по каким качествам себя противопоставляют. На этом сопоставлении можно более точно и правильно зафиксировать ментальную самоидентификацию конкретного народа, в данном случае белорусов.

Необходимо различать менталитет национально-исторический и социально-экономический. Первый связан с особенностями исторического, геополитического развития, своеобразием национальной психологии, спецификой норм, традиций, ценностей жителей той или иной страны, с национальным характером. Он имеет, как правило, консервативный, устойчивый статус и в меньшей мере подвержен изменениям. Можно сказать, что он формируется тысячелетиями: чем древнее народ, тем устойчивее у него тип менталитета.

Национально-исторический менталитет в значительной степени определяет процесс формирования национальной идентичности. В частности, у белорусов он проходил иначе, нежели в странах, следовавших классической модели формирования идентичности в эпоху становления национальных государств, которая предполагает наличие таких важных признаков, как территория и язык. Но именно эти факторы не имели решающего значения в процессе фор-

мирования идентичности белорусов, зато присутствовала территориально-локальная идентичность «тутэйшых», т. е. жителей определенной местности, того же городского или сельского населения, «малой родины», среди которых были лица любого этнического происхождения [3].

Относительно социально-экономического менталитета следует отметить, что он носит динамичный характер, ситуативен, подвержен локальным изменениям, во многом определяется существующим политическим строем, режимом, характером собственности, конкретной социально-экономической обстановкой, этапом развития и т. д. В определенной степени он связан с национальной хозяйственной культурой, которая определяет степень рациональности поведения представителей той или иной этнической группы. Многие исследователи пытаются обобщить характеристики национальной экономической ментальности, которые могут способствовать или препятствовать достижению высокой степени рациональности поведения. Например, российский ученый И. В. Розмаинский выделяет следующие характеристики национальной экономической ментальности: склонность/несклонность к «расчетливости» в сфере принятия хозяйственных решений; склонность/несклонность к независимости и ответственности в сфере принятия хозяйственных решений; склонность/несклонность к целеполаганию [4, с. 93].

Конечно, это далеко не полный перечень характеристик национальной экономической ментальности, оказывающих влияние на степень рациональности хозяйственного поведения. Пока можно сделать лишь предварительный вывод о том, что реализуемая в социально-экономическом менталитете национальная хозяйственная культура является важным каналом влияния на степень рациональности экономического поведения людей. В частности, необходимо отметить, что в менталитете белорусов под влиянием национальной хозяйственной культуры еще слабо представлены такие ценности рыночной экономики, как собственность, труд, богатство, инициатива, самостоятельность. Для многих людей понятия «собственность», «частный собственник» еще несут не столько социально-экономическую, сколько социально-психологическую и этическую нагрузку. В некоторых исследованиях говорится о том, что ценность собственности и необходимости упорного труда для ее приобретения и приращения пока аморфно представлена в сознании наших соотечественников, а значимость труда находится еще во внешнем слое ценностей у достаточно большого количества людей. В то же время в сознании значительного количества людей отчетливо представлены такие ценности и ценностные ориентации, как власть, равенство, одинаковость, зависимость, безынициативность. Они играют немалую роль в общественном сознании и ощутимо влияют на социально-экономический менталитет и экономическое поведение людей. Видимо здесь сказываются еще установки советской идеологии.

Инерционность, пассивность, слабая инициативность определенной части работников объясняются ситуативными и ментальностными ограничителями современного переходного периода. Эти ограничители связаны с отсутствием или недостаточной информацией по ключевым вопросам современной социально-экономической политики, моральной усталостью, связанной с чувством неопределенности, слабой результативностью экономических реформ, недостатками законодательства, поэтому среди работников промышленных предприятий сохраняются и поддерживаются определенные социальные ожидания (экспектации), может быть нечеткие, размытые, но нацеленные на изменение экономической ситуации. Эти экспектации необходимо изучать и активно воздействовать на их формирование: неустойчивые, размытые,

аморфные экспектации превращать в более устойчивые и определенные. Важно формировать у людей чувство уверенности и определенности. Здесь очень много зависит от позиции руководства и возможности влиять на социально-психологический климат, культивировать дух товарищества и взаимопомощи, изживать подозрительность и зависть.

Изучение менталитета подразумевает рассмотрение его в статичном и динамичном аспектах. В свою очередь статичный аспект предполагает изучение его структуры, функций, типов. Говоря в целом о структуре менталитета, по аналогии со структурой атома можно выделить ядро и периферию (внешний контур). В этом плане ядро представляет собой наиболее репрезентативные (важные, определяющие ценности людей) и является устойчивым образованием, определяющим сущность менталитета. Внешний контур (периферия) более подвижен и подвержен различным влияниям и воздействиям: экономическим, политическим, социокультурным и т. д. Анализ этих факторов важен в теоретическом и прикладных аспектах и связан с динамикой менталитета.

Собственно динамический аспект разработан крайне недостаточно. Думается, что в этом вопросе вполне приемлема социокультурная концепция развития общества С. Ахиезера [5]. Согласно ей движущей силой развития общества является внутреннее противоречие воспроизводственной деятельности социального субъекта, т. е. противоречие между потребностями, ценностями, целями и возможностями субъекта, с одной стороны, и воспроизводимым объектом — с другой. Конкретной формой этого противоречия, по мнению А. С. Ахиезера, выступает противоречие между культурой и социальными отношениями (экономическими, политическими и др.). Конечно, это противоречие важное, но не единственное. В целом, вопрос об основном противоречии общества пока еще недостаточно разработан, так как у экономистов, политологов, психологов, историков могут быть и другие точки зрения по этому вопросу. Но все-таки можно предположить, что одно из существенных противоречий общества имеет форму противоречия между менталитетом как формой проявления культуры и социальными отношениями.

Конкретное общество существует до тех пор, пока ему удастся через напряженную воспроизводственную деятельность преодолевать или держать под контролем противоречие между менталитетом и социальными отношениями в границах, достаточных для интеграции общества. Если этого не получается, то происходит рассогласование культурно-ментологических и социальных структур, что в результате приводит к катаклизмам и конфликтам (революции, войны, социальные потрясения, массовые недовольства и т. д.), т. е. происходит дезинтеграция общества, anomia государства.

Типы менталитета во многом определяют особенности реального ментального пространства, в формате которого осуществляются (реализуются) прежде всего функционально-доминантные связи носителей определенного менталитета. Например, в традиционном обществе — это иерархические духовные и социальные структурные связи, внеэкономические формы организации экономической деятельности, идеализированные наука и культура и др. В индустриальном обществе — это «светская» наука, техногенная структура общества, демократические формы социального управления и др.

Соответственно наличие недоминантных связей в социуме (это зародышевые связи новых укладов и архаичные отношения) может говорить о квазиреальном, или выражаясь более современно, виртуальном ментальном пространстве. При всей терминологической условности такого рода дихотомии (ментальные объекты, явления, структуры в любом случае должны быть

квалифицированы как реальные по факту своего нематериального существования) она имеет смысл для последующего анализа факторов и форм роста значимости конкретных компонентов ментального пространства социума в общем процессе его эволюции.

Факторы и формы роста праксеологической компоненты ментального пространства в условиях формирования постиндустриального уклада жизнедеятельности. Специфика основных типов менталитета и ментального пространства как нематериальных феноменов социального бытия дает основание для вывода о том, что их динамика во многом определяется однотипными факторами: природно-экономическими, этносоциальными, культурными и др. Тем не менее есть основание утверждать, что детерминация динамики ментального пространства по сравнению с детерминацией динамики менталитета — это не просто более масштабный, сложный и фундаментальный механизм, но и креативно определяющий, поскольку, во-первых, содержательно-смысловое разнообразие ментального пространства явно превышает соответствующие параметры любого менталитета (второй ассимилирует лишь определенную часть первого); во-вторых, этот механизм более выразительно (четко) адсорбирует праксеологический вектор развития ментального пространства коррелятивно назревшим практическим проблемам эволюции социума. Например, проблемы экологической безопасности, защиты генофонда человечества, поддержания базового социального дохода населения транслируются в профессиональный, экономический, финансовый, политический менталитет из сферы ментального пространства в актуально-практических вариантах.

Для более развернутого рассмотрения этого процесса необходима достаточно четкая экспликация праксеологической компоненты менталитета. В самом общем понимании — это совокупность представлений о потребностях определенного сообщества, ресурсах, формах и средствах их удовлетворения, а также критериях успешности этого процесса в социальном измерении. Содержательно праксеологическая компонента менталитета изначально была тесно сопряжена с осмыслением средств, способов и ресурсов удовлетворения витальных потребностей в естественных и культурогенных условиях. Необходимость в подходящем по климату, ландшафту, изобилию природных ресурсов места обитания, в наличии достаточно «комфортного» жилья, принадлежностей домашнего обихода, средств и технологий добывания пищи и поддержания здоровья членов конкретного сообщества вынуждала людей вырабатывать, сохранять и целенаправленно воспроизводить определенную совокупность знаний, сопряженных с отмеченными обстоятельствами. Эти знания фиксировались с различным уровнем системности, как правило, не очень высоким по сравнению с религиозными, философскими, научными, политическими и даже мифологическими системами представлений. Однако в целом эволюция ментального пространства может быть отмечена нарастанием его праксеологической составляющей. Основные рубежи (вехи) этого процесса в новое время: 1) протестантская трудовая этика, заложившая идейные основы капитализма; 2) прагматизм — философское течение, фундирующее представления об определяющем значении сферы практической деятельности в общественном укладе; 3) коммунистические трудовые концепции генезиса человека и развития человеческого общества; 4) биокапитализм как экстремальный вариант апологетики форм капитализации человеческих качеств и человеческой жизни в целом [6].

Из всего многообразия факторов, оказывающих влияние на формирование и динамику праксеологической компоненты менталитета все исследователи

в перечне основных (доминантных) выделяют прежде всего природно-климатические условия проживания социокультурной общности (географическое положение, климат, размеры территории), которые оказывают непосредственное влияние на менталитет, или, как пишет А. В. Юревич, «закрепляют на субъективном уровне оптимальные способы адаптации и выживания» [7]. Особенности природных и климатических условий объясняются различия в менталитете оседлых и кочевых народов, жителей степных и лесных, «островных» и «континентальных», южных и северных регионов, «открытых» и «закрытых» пространств и т. п. Связь между природно-климатическими условиями и национальным характером можно проиллюстрировать на примере белорусского этноса. Минимальные запасы полезных ископаемых, болотистая и лесистая местность, неустойчивый климат определили проживание белорусов преимущественно в небольших поселениях (хуторах) и занятие сельским хозяйством. Хозяйственная деятельность в условиях рискованного земледелия способствовала формированию таких ментальных качеств белорусов, как трудолюбие, терпимость, некоторая замкнутость, умеренность, упорство в достижении цели, обособленность от больших коллективов.

К детерминантам, обуславливающим особенности праксеологической компоненты национального менталитета, относят также ряд духовных факторов, прежде всего религию. «Вера формирует смыслообразующие устремления человека, вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки. Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет ее содержанием» [8].

Религия оказала серьезное воздействие и на формирование менталитета белорусского народа. Хотя Беларусь является мультирелигиозной страной, наибольшее влияние на белорусский менталитет оказало православие как доминирующая религия*. В частности, оно в значительной степени повлияло на восприятие труда, успеха, заработка, карьеры. В православии труд на Земле трактуется как наказание людей за грех и оценивается как изначально тяжелый, зависимый, безрадостный, как рабство. Его ценность определяется в первую очередь, не его значимостью для общества, не теми благами, которые он позволяет получить, а той ролью, которую он играет в деле спасения души. В связи с этим в православии отсутствует представление о преимуществе умственного труда над физическим, высококвалифицированного труда над неквалифицированным. Не считаются христианскими добродетелями профессиональное самосовершенствование, склонность к предпринимательству, накоплению собственности, что стало достаточным основанием для вывода о непрактичности православия.

Несмотря на то что значительная часть белорусского населения относит себя к православным верующим, влияние религии на их отношение к работе, собственности, предпринимательству сегодня нивелируется, а в роли доминантных выступают социально-экономические и технологические факторы. Так, например, по мере перехода общества от одного технологического уклада к другому создается все больше рабочих мест, способных обеспечить не только удовлетворение материальных потребностей работника на приемлемом уровне, но и его потребности в творчестве, уважении, карьерном росте. Поэтому для большого количества людей (прежде всего молодежи) работа становится базовой ценностью, даже смыслом жизни, и они согласны отдавать работе все свое время.

*Согласно последним данным более 80 % верующих белорусов относят себя к православным.

В условиях формирующегося постиндустриального уклада жизнедеятельности следует отметить, во-первых, увеличение количества факторов роста значимости праксеологической компоненты ментального пространства; во-вторых, появление ее новых форм коррелятивно специфике ранее не наблюдаемых факторов и в целом направленность эволюционных процессов в человеческом сообществе.

Ранее не наблюдаемые, в большинстве попросту не существовавшие факторы, сопряжены в конечном счете с объектами и процессами организации материального производства и сферы социальной коммуникации. В основном это объекты и процессы, составляющие их информационную компоненту: компьютерный парк и информационная социальная система (информационные сети и базы данных), способные замещать и усиливать интеллектуальный труд человека, обеспечивая экспоненциальное производство информации и массовый доступ к ней. Как следствие, в структуре ментального пространства социума усиливается значение телеологической компоненты будущих практических действий и средств достижения выдвигаемых целей, т. е. повседневная практика все более полно будет осуществлять реализацию схем праксеологии, выработанных усилиями растущей массы «рядовых» пользователей информационных систем и потребителей товаров и услуг. Видимо наиболее показательна в этом плане «гражданская наука» как совокупность информационных каналов, по которым потребитель доводит до сведения разработчиков (конструкторов) и производителей свои представления и предпочтения относительно функциональных и эстетических качеств их продукта, используемых материалов, диапазона будущих изменений его параметров, стоимости, сферы распространения, конкурентных преимуществ и др. Эти процессы можно квалифицировать как форму роста праксеологической компоненты ментального пространства, назвав ее *праксеологической телеологизацией* ментального пространства социума.

Еще одну форму роста праксеологической компоненты ментального пространства социума можно выделить на основе наблюдаемой (хотя и вяло текущей) тенденции к повышению уровня социализации сферы практической деятельности в целом. Исходя из известных фактов повышения социальной ответственности бизнеса (за характер использования природных и социальных ресурсов, интеллектуального и культурного потенциалов сообщества, в котором развивается бизнес, и др.), можно утверждать, что в ментальном пространстве данного социума набирает значимость интенция на гармонизацию праксеологических ориентаций с его возможностями, оцениваемыми как реальные. Надежда на что-то аналогичное нарастает и в отношении военно-промышленного комплекса. Назовем эту форму *социализацией праксеологической компоненты* ментального пространства.

Органически сопряженной с социализацией праксеологической компоненты ментального пространства (как процессом нарастания степени сопряженности праксеологической активности социума с целостной совокупностью условий его существования и ресурсов) является ее *этизация*. Эта форма реализуется как совокупность культурно-духовных процессов, создающих систему принципов, норм, правил и иных регуляторов практической деятельности, которые должны обеспечивать стабильность человеческого сообщества исходя из перспектив будущего и поддержания самооценности личности на основе представлений о совершенстве. В научной литературе достаточно детально описаны экологические, трудовые, медицинские, этнокультурные и другие измерения этизации праксеологических ориентаций социума, обоснованы обоб-

щающие императивы в русле этики заботы, принципов предосторожности, морфологической ответственности и экологической справедливости.

Следует указать на наличие (и в ряде ситуаций достаточно заметное по своей эффективности) форм праксеологизации ментального пространства, базирующихся на процессах информатизации социумов. Наряду с упомянутыми выше замещением либо усилением интеллектуального труда человека к ним можно отнести ключевую ориентацию на производство знаний, расширяющих возможности решения практических проблем и развитие сотрудничества, а также формирование свободного гражданского общества, реализующего ценность знания, времени, демократии участия и массового творчества. Отмеченную форму можно квалифицировать как *когнитивизацию ментального пространства*.

Особо следует отметить рост в современном ментальном пространстве ориентаций на самореализацию личности. В частности, в ряде развитых стран, где для большой массы молодых людей достигнут приемлемый уровень материальной обеспеченности, самореализация личности как духовный идеал, выпестованный вековой гуманитаристикой, постепенно эволюционирует в первейшую практически реализуемую потребность. Это *экзистенциализация ментального пространства* как форма роста его праксеологической компоненты.

Наряду с названными в определенной мере эксплицированными факторами и формами роста праксеологической компоненты в условиях формирования постиндустриального уклада жизнедеятельности в ментальном пространстве современного социума наблюдается досадное для многих людей осознание невоспроизводимости, а следовательно, и не востребованности накопленного практического опыта, неоднозначность научных оснований для реализации и оценки практических действий и как неизбежный спутник таких ментальных явлений — вера в квазинауку и суеверия, растущей приверженностью к которым может быть отмечена определенная часть политиков, финансистов, бизнесменов, представителей творческих профессий.

Праксеологическая компонента ментального пространства в настоящее время наполняется разнородным, но интенционально довольно тесно сопряженным содержанием. Оно выражает озабоченность социума явной нехваткой природных ресурсов для устойчивого (даже в рамках его мягкого понимания как поддерживающего) развития. Поиски путей выхода из создавшегося положения видятся в активизации роли человеческих ресурсов в самом глубоком смысле названного процесса: под воздействием науки и технико-технологических факторов динамика социального менталитета показывает вовлеченность в процесс его праксеологизации не только растущей массы населения, но и в идеале всех форм общественного сознания, даже архаических.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Лазаревич, А. А.* Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич. — Минск : Беларусь, наука, 2015. — 537 с.

Lazarevich, A. A. Stanovlenie informatsionnogo obshchestva: kommunikatsionno-epistemologicheskie i kul'turno-tsivilizatsionnye osnovaniya [Formation of information society: communication-epistemological and cultural-civilizational foundations] / A. A. Lazarevich. — Minsk : Belarus. navuka, 2015. — 537 p.

2. Современная западная философия. Словарь. — М., 1991.

3. *Титаренко, Л. Г.* Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития / Л. Г. Титаренко // Философия и социал. науки. — 2009. — № 1/2. — С. 9–14.

Titarenko, L. G. Modeli natsional'noy identichnosti naseleniya Belarusi i perspektivy ikh razvitiya [Models of national identity of the population of Belarus and prospects for their development] / L. G. Titarenko // *Filosofiya i sotsial. nauki.* — 2009. — N 1/2. — P. 9–14.

4. *Розмаинский, И. В.* На пути к общей теории нерационального поведения хозяйствующих субъектов / И. В. Розмаинский // *Экон. вестн. Рост. гос. ун-та.* — 2003. — Т. 1, № 1. — С. 86–99.

Rozmainskiy, I. V. Na puti k obshchey teorii neratsional'nogo povedeniya khozyaystvuyushchikh sub"ektov [On the way to the General theory of irrational behavior of business entities] / I. V. Rozmainskiy // *Ekon. vestn. Rost. gos. un-ta.* — 2003. — Т. 1, N 1. — P. 86–99.

5. *Ахиезер, А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). — Т. 1 : От прошлого к будущему. — Новосибирск : Сибир. хронограф, 1997. — 804 с.

Akhiezer, A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) [Russia: criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia)]. — Т. 1 : Ot proshlogo k budushchemu. — Novosibirsk : Sibir. khronograf, 1997. — 804 p.

6. *Горц, А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц. — М. : Высш. шк. экономики, 2010. — 208 с.

Gorts, A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i capital [The Intangible. Knowledge, value and capital] / A. Gorts. — M. : Vyssh. shk. ekonomiki, 2010. — 208 p.

7. *Юревич, А. В.* Структурные элементы национального менталитета [Электронный ресурс] / А. В. Юревич // *Психолог. исслед.: Электрон. науч. журн.* — 2013. — Т. 6, № 29. — С. 12. — Режим доступа: <http://psystudy.ru>. — Дата доступа: 30.04.2020.

Yurevich, A. V. Strukturnye elementy natsional'nogo mentaliteta [Structural elements of the national mentality] [Elektronnyy resurs] / A. V. Yurevich // *Psikholog. issled.: Elektron. nauch. zhurn.* — 2013. — Т. 6, N 29. — P. 12. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru>. — Data dostupa: 30.04.2020.

8. *Ракитянский, Н. М.* Феномен англо-американской ментальной экспансии в контексте психологии веры / Н. М. Ракитянский // *Информационные войны.* — 2009. — № 4. — С. 78–89.

Rakityanskiy, N. M. Fenomen anglo-amerikanskoy mental'noy ekspansii v kontekste psikhologii very [The phenomenon of anglo-american mental expansion in the context of the psychology of faith] / N. M. Rakityanskiy // *Informatsionnye voyny.* — 2009. — N 4. — P. 78–89.

**VLADIMIR LUKASHEVICH,
MARIA ZUBKO, IGOR KISELEV**

**PRAXEOLOGICAL VECTOR OF MENTAL
SPACE DYNAMICS UNDER CONDITIONS OF
POSTINDUSTRIAL LIFESTYLE FORMATION**

Authors affiliation. *Vladimir LUKASHEVICH* (lukashevich46@bk.ru), *Institute of philosophy of the National academy of sciences of Belarus (Minsk, Belarus)*; *Maria ZUBKO* (m_zubko@mail.ru), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)*; *Igor KISELEV* (igor.kiselev48@gmail.com), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The article reveals the content peculiarities of the praxeological component of the mental space and the nature of its dynamics under conditions of the formation of

a post-industrial way of society's life, where non-material factors are gradually coming to the fore: information, knowledge, communication culture as well as technical and technological means of production and social communication that are closely related to them. The authors give the interpretation of the mental space as a set of object-oriented mental formations, thought processes and their schemes, patterns, paradigms, in which knowledge and faith, knowledge and value orientations, knowledge and clichés of everyday practical experience, emotions, unconscious structures and cultural codes, determining stereotypes of behavior and activity of people, as well as criteria for the acceptability (effectiveness) of a certain way of action are all combined in a specific way. The peculiarities of the processes under analysis in the Republic of Belarus are disclosed.

Keywords: mental space; praxeological component of mental space; post-industrial lifestyle; dominant forms of growth of the praxeological component.

UDC 130.2

*Статья поступила
в редакцию 20. 05. 2020 г.*

Е. В. КУЗНЕЦОВА

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Автор утверждает, что идентичность современного субъекта обусловлена культурно-коммуникативными практиками и информационными технологиями. Он приходит к выводу, что проблема идентификации требует иного прочтения по сравнению с предыдущими историческими этапами, но необходимо синтезировать уже существующие подходы.

Ключевые слова: идентичность субъекта; коммуникация; кризис идентичности.

УДК 304.2

В настоящее время — время социальных потрясений — трансформируются и разрушаются многие представления, принципы, ценности, на которых в течение ряда столетий основывалась идентификация личности. Идентичность личности сегодня переживает кризис, в основе которого лежат происходящие политические, экономические, социокультурные процессы. Одной из причин кризиса идентичности является чрезмерная открытость субъекта по отношению к миру и другим людям. Массовая культура со своим неизменным консюмеризмом пытается подчинить определение идентичности законам рынка, создавая тем самым предпосылки для формирования псевдоидентичности.

Евгения Владимировна КУЗНЕЦОВА (kuznetzova.evgenoya2012@yandex.ru), кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).